

Борис Козлов

Чаки малыш

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Козлов

Чаки малыш

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57498143

SelfPub; 2023

Аннотация

Самонадеянная попытка автора написать что-то достойное и нескучное (в собственном, разумеется, понимании) и заодно ответить на важный для себя вопрос. Любой отзыв будет принят с искренней благодарностью. Содержит нецензурную брань.

Борис Козлов

Чаки малыш

– Дай.

Тонкая сигарета описала короткую дугу и оказалась в её пальцах, обронив по пути несколько тлеющих крупинок на простыню.

“Не метеоры, не кометы, а лишь останки сигареты”.

– Брось, ты просто очень устал, – сказала она после затяжки и выпустила красивое дымное колечко.

Вот за такие фокусы он и любил её.

– Да, я очень устал. Прости.

“Так вот как это называется после сорока – усталость”, – подумал Чаковцев. Мысль была как мысль, спокойная констатация. Она вернула ему окурок, несколько секунд полежала тихо и заёрзала. На дольше её никогда не хватало. “Сейчас вспомнит, что ей пора”.

– Блин, – сказала она с энтузиазмом в голосе, – да мне и некогда. Вот дура.

– Да? – поинтересовался Чаковцев. – Что такое?

– Тренировку перенесли, а я и забыла.

Она быстро и ловко одевалась, подхватывая с пола и кресел свои одежды. Чаковцев внимательно наблюдал, остро

чувствуя запоздалое возбуждение и досаду от упущенного.

– Чаки... – она замялась на мгновение, – не подбросишь немного кэша?

Он замер. “Вот оно”.

– Да, Кошка, конечно.

Выудил из бумажника пару купюр. Она взяла – жестом чуть более небрежным, чем требовалось, помахала в воздухе:

– Мерси.

– Какие пустяки.

Он проводил её до двери, потом вернулся, постоял у окна, потирая машинально щеку, понюхал зачем-то пахнувшие помадой пальцы. Кошка внизу уже тормозила такси, на секунду подняла лицо, улыбнулась. Он не ответил.

*“Летят безмолвные кометы
В пустом объеме без конца —
Всего лишь пепел сигареты
Как все уставшего Творца...”*

Чаковцев приготовил кофе, сел и огляделся. Его квартира, чудом уцелевшее после второго развода имущество, смотрелась его, Чаковцева, утренним отражением в зеркале: смятые черты никак не складывались в лицо; требовались десятки движений бритвы, щетки и расчески, чтобы собрать их вместе, подогнать и уплотнить до приемлемого, узнавае-

мого состояния – лица нестарого пока мужчины, мужчины с прошлым.

“Как минимум, с прошлым”, – подумал он с вызовом, так, словно кто-то значимый мог подслушать и оценить эту его мысль.

Итак, квартира его *не рифмовалась*. Пластинки, старый винил, громоздились шаткими башнями; дипломы конкурсов (с опасным избытком восьмерок), предназначенные для заполнения пустых стен, по-прежнему путались под ногами, некоторые уже и с треснувшим стеклом; книги отвращали Чаковцева нелепостью заглавий, нарочито, с претензией, простых или натужно глубокомысленных. Он хотел привычно солгать, что только принесенные Кошкой брошюры, весёлый трэш, освежают уныние его жилища.

Нет, кого он хочет обмануть... Чаковцев брезгливо подцепил одну, ближайшую, заранее морщась. “Ночь оживших мертвецов”, ага. Кошка читала эту муть с упоением, одну за другой. Лет десять назад от такой безвкусицы его бы стошнило, а теперь он сам...

Чаковцев помедлил и с отвращением процедил, словно дрянной бурбон: “Чаки”.

“Скрип-скрип...”

Том прижался к сестре изо всех сил. Скрипят старые половицы – всё ближе и ближе. Скрипят доски под чужими тяжёлыми шагами, гнутся старые доски.

– Мне страшно, Джейн, – захныкал Том.

– Не бойся, – девочка погладила брата по голове и добавила: – Нас им ничем не достать.

– Но откуда ты знаешь?

Скрип-скрип... Скрип-скрип...

Джейн не ответила. Она, конечно, не могла признаться Тому, что боится не меньше, а быть может, даже больше, чем он. Проклятые мертвецы всё ближе, обступили со всех сторон, похоже, спасения нет. Она вспомнила, как костлявая рука схватила за горло дядюшку Элвиса, как ужасно переменялось его доброе лицо. Ну, нет, – Джейн топнула ногой и вздёрнула подбородок – кто-кто, а она так просто не сдастся каким-то полусгнившим уродам, и никакая, даже самая полная луна не поможет им добраться до них с братом.

– Мы выберемся, я тебе обещаю.

Джейн не прекращала думать с быстротой своих лучших теннисных подач; вдруг хмурое её лицо просияло:

– Я придумала, – сказала она Тому, – мы должны пробиться в бабушкину спальню, там мы будем в безопасности...

Мальчик посмотрел на сестру с ужасом – и это план? Да она издевается над ним.

Все в их большом доме знали, как боялся он входить в бабушкину комнату даже в обычные дни, а тут такое...

Джейн присела и заглянула Тому в глаза:

– Я знаю, – сказала она, – тебе очень страшно, но я ни за что не подвергла бы тебя такому испытанию, сомневайся я хоть на секунду в твоём мужестве, Том Кингсли.

Мальчик зажмурился и глубоко вздохнул, потом открыл глаза и кивнул:

– Ладно.

Перед отчаянной вылазкой на территорию тьмы следовало вооружиться. Джейн окинула библиотеку тревожным взглядом и заскрипела зубами от огорчения – в сарае, на кухне, даже в столовой было куда больше полезных предметов, чем здесь. За неимением лучшего, она вручила Тому ракетку, позабытую здесь кем-то из домашних, сама же вооружилась увесистым томом Британники – вот наконец и пригодился старый кирпич.

Они остановились перед дверью и прислушались – по ту сторону тяжелой двери стояла пугающая тишина.

– Ты готов? – спросила Джейн трясущегося от страха брата.

Её собственное сердце колотилось так громко, что, без сомнения, покойники со всей округи уже бежали на его стук.

Том молча кивнул и сжал ракетку еще сильнее и так уже побелевшими от напряжения пальцами.

– Тогда пошли, – шепнула Джейн и тихо-тихо приоткрыла дверь.

В темном коридоре никого. Их путь лежал наверх – по древней скрипучей лестнице.

Джейн мягко ступала босыми ногами, свои башмаки они оставили в библиотеке. Том неотступно шагал следом, одной рукой сцепившись в край её блузки.

Вот и лестница. На цыпочках Джейн сделала первый шаг. Проклятье – лестница предательски застонала у них под ногами. В следующее же мгновение адский шум наполнил их уши – во всех углах огромного дома заскулили, завывли, затрещали мослами.

Джейн сделалось холодно.

– Бежим! – закричала она Тому и рванулась скачками вверх, перепрыгивая через две, три ступеньки. Брат взвизнул и помчался за ней, ракетка его покатилась вниз к основанию лестницы, прямо под чьи-то невидимые в темноте, спешащие костистые ноги...”

Он хмыкнул и отшвырнул книжку – телефон бился мелкой дрожью и взывал к ответу.

– Да, – сказал Чаковцев в трубку.

Юный голос, свежий и уморительно серьезный, веско произнес:

– Господин Чуковский?

– Да-а, – протянул Чаковцев с интересом.

– Это Жанна из продюсерского центра, насчет выступления в Энске, вы ведь не забыли?

– Ни в коем случае... “Черт, который час?”

– Я бы хотела убедиться в получении вами аванса...

– Получен. “И истрачен”. Спасибо.

– Отлично. Я высылаю машину на ваш адрес, водитель передаст билет и доставит вас на вокзал. Поезд через два часа. Вы будете готовы?

– Разумеется.

– Спасибо, господин Чаковский, приятной поездки и удачного выступления.

– Вам спасибо, так приятно работать с профессионалами, – он помедлил секунду и добавил мстительно: – Женя.

– Что в имени тебе моём?

– Я не расслышала, приём”

– Вы ведь не против? – таксист обернулся к нему и посмотрел вопросительно.

Чаковцев махнул рукой:

– Валяйте.

Водитель улыбнулся и сделал погромче.

– Многие возражают...

Чаковцев успел заметить золотую фикса в углу рта; кожаная тужурка и кожаная же фуражка на голове таксиста дополняли образ.

– ... а почему, я спрашиваю, отличная ведь музыка?

– Отличная, – согласился Чаковцев и еле заметно усмехнулся.

Крутили одну из его старых песен. “Как просто это было

тогда – стихи, любовь, всё”.

Они почти не двигались, зажатые со всех сторон.

– Скверная погода, – не умолкал водила, – и чего им дома не сидится, в такой-то дождь. Ночью приморозит, будут завтра сплошные звезды на льду...

– Давно таксуешь? – спросил Чаковцев.

– Я-то? Давно.

– На жизнь хватает?

Водила засмеялся:

– Это смотря как жить.

Чаковцев посмотрел на часы.

– Успеем, – сказал таксист, – будь спокоен.

По крыше барабанил и не дождь уже, круглые льдинки рикошетили от лобового. Чаковцеву вдруг остро захотелось вернуться, забиться в свою конуру на двенадцатом этаже, заварить чаю, раскрыть ту дурацкую книжку. Кошка вернется потом как ни в чем не бывало, и ночь их снова будет горячей и влажной...

“Что в имени тебе моём?

Скрестим скорее руки...

Лишь шум, меж смыслами проём,

Пустые звуки”

– Приехали, – сказал таксист.

Чаковцев сунул ему остатки аванса и шагнул в морок.

Асфальт под ногами уже покрылся свежим ледком. То и дело оскальзываясь, он перебежал площадь частыми шажками и вбежал, почти что въехал, в вокзальное здание, с трудом погасил инерцию на не менее скользком каменном полу, остановился, по-собачьи стряхнул с себя воду и ледышки, опустил воротник, пятерней пригладил мокрые волосы.

Давненько не бывал Чаковцев на вокзале. Он вдохнул здешнего тревожного воздуха и огляделся: тётки в пуховых платках, нескладные солдатики, помятые мужики – все на местах. “Порядок”, – подумал Чаковцев. Подзабытое ощущение понемногу спускалось на него – он любил когда-то это чувство. По дороге в буфет пытался ухватить его, одеть в буквы: “Неприкаянность? Непривязанность? Бездомность?” Уже стоя в короткой очереди к прилавку он продолжал шевелить губами и недовольно крутить головой – ни одно из определений не подходило ему; тут требовалось простое слово, без заряда отрицания или потери, слово-утверждение, а не зияющая дыра...

– Вам, мужчина, чего?

Чаковцев ткнул пальцем в тарелку с бутербродами:

– И чаю, пожалуйста.

– Кхм, – произнёс кто-то у него над ухом и осторожно тронул за рукав.

– Прошу прощения...

Чаковцев оглянулся: солидного вида господин за его спиной деликатно просил внимания.

– Да?

Господин – пальто, шарф, меховой “пирожок” на голове – глядел смиренно, но настойчиво – прямо в глаза.

– Еще раз прошу простить мою дерзость, – сказал господин в “пирожке”, – видите ли, в силу некоторых обстоятельств я остался совершенно без средств и вынужден, да, вынужден просить вас об одолжении...

– Вам нужны деньги? – оборвал его Чаковцев.

Господин посмотрел в ответ почти возмущенно.

– Исключительно немного провизии, с вашего позволения.

Чаковцев смутился.

– Вас устроит бутерброд?

Он заказал еще одну порцию и с подносом в руках последовал к свободному столику.

Незнакомец без церемоний уселся напротив, снял свою старорежимную шапку и положил на колени, расслабил шарф.

– Приятного аппетита, – сказал он Чаковцеву.

– Угу, – невежливо откликнулся тот.

Он рассматривал своего визави, пытаясь понять с кем имеет дело. Мелкий вокзальный аферист? Пожалуй... Неопределенный возраст, слишком обыкновенное лицо, опрятная одежда без единой яркой детали – идеальный кидала. Но каков апломб...

Чаковцев размешал сахар в стакане и принялся быстро

есть – время поджимало. Господин же напротив никуда не торопился, ел медленно, откусывал себе маленькие кусочки, жевал долго, смакуя вокзальный бутерброд словно невиданный деликатес.

– Вы тоже можете не торопиться, Геннадий Сергеевич, – нарушил молчание сотрапезник Чаковцева.

Тот перестал жевать и ошалело уставился через стол, но уже через секунду собрался.

Его опасения начинали сбываться. Это было прелюбопытно.

– Мой поезд... – начал Чаковцев и тут же осекся. Хриплый голос из-под потолка забубнил: “К сведению пассажиров... поезд... следования... до Энска... отправление откладывается... до выяснения... повторяю...”

– Часа на два, не меньше, – сказал господин уверенно и подмигнул.

Чаковцев отодвинул тарелку и уселся поудобнее; его сотрапезник явно требовал большего внимания.

– Вкусно? – спросил Чаковцев.

Господин закатил глаза, выражая высшую степень удовольствия. Он наконец доел, затем достал из кармана пальто клетчатый носовой платок и аккуратно промокнул губы.

“Эпохой ошибся, бедняга”.

– Выручили вы меня, Геннадий Сергеевич...

– Пустяки, – буркнул Чаковцев, – мы знакомы?

Господин широко улыбнулся:

– Кто ж не знает знаменитого Чаковцева? – он забарабанил пальцами по столу и замурлыкал “Кактусы под дождем”.

– Ага, – сказал Чаковцев, – ясно.

Правда заключалась в том, что уже лет пять никто не узнавал его на улицах, и это его устраивало. Он заерзал на стуле, собираясь откланяться.

– Иван Георгиевич, – быстро сказал господин и протянул руку.

– Очень приятно, – соврал Чаковцев, пожимая горячую сухую ладонь.

В следующую секунду брови его поползли вверх – он рассмотрел часы нового знакомого, как видно, левши.

– Позвольте, – сказал Чаковцев, – это же...

– Ну, да, – откликнулся Иван Георгиевич скучливо, – Брегет.

И спрятал часы под манжету.

Чаковцеву сделалось весело:

– Так, – сказал он, – вы носите настоящий брегет розового золота с турбийоном и при этом стреляете на сэндвич в вокзальном буфете? – Он засмеялся: – Не хотите прокомментировать?

Иван Георгиевич смущенным не выглядел. Пожал плечами:

– Вы же не станете требовать от голодного скрипача продать Страдивари? Нет? На худой конец он просто сыграет на нём за мелочь в переходе...

Чаковцев живо вспомнил свой именной Стратокастер и скрипнул зубами. “Ах ты гад”.

– Вы, значит, тот самый виртуоз?

– В некотором роде, да, – скромно согласился Иван Георгиевич.

– Ладно, – не унимался Чаковцев, – давайте, отработайте свой хлеб с сервелатом.

Иван Георгиевич задумчиво посмотрел на него и вздохнул:

– Что ж, имеете право. Честно говоря, я бы и сам предложил, ведь понравились вы мне, Геннадий Сергеевич. Так что спрашивайте, не стесняйтесь.

– Спрашивать? Что вы имеете в виду?

– Да что угодно, Геннадий Сергеевич, что угодно. Про жен, скажем. Да хоть про кошку вашу...

У Чаковцева вдруг пересохло во рту. Он с обновленным вниманием всмотрелся в лукавого человека напротив. Всё же поразительно, насколько безликое у него лицо...

“Безликое лицо, бездушный дух, печаль беспечная”.

– В Фауста, значит, играем? – спросил Чаковцев насмешливо.

– Да хоть бы и так, Геннадий Сергеевич, да хоть бы и так. Спрашивать-то будете?

Чаковцев засмеялся:

– Чур, душа бессмертная при мне останется.

– Обижаете, Геннадий Сергеевич, я мелкой розницей не промышляю.

Про демографический взрыв слышали? То-то и оно, счёт на миллионы, иначе не успеть никак.

– Тогда ладно. А скажите мне, всезнающий Иван Георгиевич, в чём состоит истинный талант мой, предназначение, – не то, что из меня вышло, а то, что должно было?

Чаковцев замолчал, упиваясь интерлюдией.

– Так вот что вас беспокоит... “Что нужно нам – того не знаем мы,

Что ж знаем мы – того для нас не надо”.

– Именно.

За столиком вокзального буфета сделалось тихо. Иван Георгиевич поднес к уху свой брегет, словно проверял идёт ли, потом долго изучал Чаковцева докторским каким-то взглядом, наконец улыбнулся, и улыбка эта Чаковцеву не понравилась.

– Что же? – спросил он.

– Вам пора. Ваш поезд отправляют.

– И это всё?

Иван Георгиевич снова показал Чаковцеву прежнюю улыбку.

– Очень скоро вы узнаете.

Чаковцев встал, с шумом отодвинул стул. С него довольно. Не попрощавшись, он пошёл к выходу.

– То слово, Геннадий Сергеевич, давешнее вокзальное
слово...

Чаковцев резко обернулся.

– Смещение.

*“Не в племени,
В свободном квесте,
Смещен во времени
И даже в месте*

*Я словно мебель
в связи с переездом,
Диваны, стулья и кресла,
Нелепы
перед подъездом
Нагие фанерные чресла*

*Тремя этажами выше
Наполнена эхом квартира
Фортепиано там дышит
Последней нотой клавира
В открытую форточку мира*

*Будущее неизвестно,
Прошлое позабыто,
Лишь настоящее честно*

Пока фортепьяно раскрыто”

Он наконец отогрелся в своём купе. Пустой стакан позвякивал в подстаканнике, за окном мелькало что-то мимолетное... или просто устали за день глаза. Было время, у него неплохо получалось придумывать на ходу, под стук, под вечный русский ритм.

Чужие люди улыбались ему золотыми зубами или храпели, ворочались на полках.

И звякали стаканы. И еще эти шаркающие сдвижные двери... нет, тогда он ездил в плацкартных, двери начались потом. Чаковцев прилег и закрыл глаза.

Иван Георгиевич немедленно наклонился над ним, шумно задышал, защекотал шарфом, зашептал на ухо.

Чаковцев вскинулся, сел. Рот сух, сердце топчет в груди быстро-быстро, еще немного, оттолкнется сердце и взлетит. Что же сказал ему Иван Георгиевич, что нашептал?

Но лишь дрянная улыбка осталась Чаковцеву от короткого вагонного сна. Он с тоской посмотрел на дребезжащий на столике стакан – остатки чая плескались на доньшке.

“Боже, как же хочется выпить”, – признался себе Чаковцев. Уже год прошел, целая вечность, он думал, всё позади. Поезд виноват, в этом всё дело. Другая жидкость цвета чая плескалась тогда в их стаканах; только память на запахи живучее старых рефлексов.

Он наскоро привел себя в порядок и вышел в коридор, постоял держась за поручень, упираясь лбом в холодное стекло, – огромная страна расстилалась там, похожая в темноте на море, не подсвеченная ничем, даже звездами.

В вагоне-ресторане было пусто и тихо, человек в белой куртке дремал за столиком.

Чаковцев деликатно кашлянул.

– Чего вам? – спросил человек.

– Тархун есть?

– Только кола.

– Давайте.

Он сел в дальнем конце, почти невидимый, отхлебнул сладкой шипучки; его обманутый желудок обиженно сжался. Глоток, еще. Чаковцева понемногу отпускало.

Вошли двое, спросили пива. Сели поодаль, спиной к нему, и тихо заговорили. Чаковцев не прислушивался, но что-то в интонации собеседников заставило его напрячься, настроиться.

– А что же власти? – осторожно спросил один.

– А что власти? Будто ты на Луне живешь. Куплено всё, – ответил другой, хриплый.

– Но сейчас не девяностые, слава богу.

– У нас, значит, девяностые. Или хуже. Было бы куда, давно бы свалил из Энска.

– И что, он сам... своими руками?

Хриплый еще понизил голос, до Чаковцева долетело

лишь:

– ... зверь он, садист. И еще кореш его, правая рука, жидок этот.

– Прямо в городе?

– Разное говорят, говорят, заимка у него имеется, секретная, там и лютует...

Чаковцев пошевелился, разминая затекшую руку. Двое впереди разом смолкли, оглянулись и, подобрав своё пиво, удалились.

Он посидел еще немного – не хотел встретиться с теми двумя в коридоре. Допил колу.

На пути к выходу заметил позабытую кем-то книжку на диванчике, дешевку в мятом переплете, подхватил её на ходу. “Вот так номер”, – тихо проговорил он, с удивлением узнавая аляповатую обложку.

“Успеть, только бы успеть. Там, за крепкой дверью бабушкиной спальни, пропахией лекарствами, они с Томом будут в безопасности. Теория Джейн насчет бабушки была хрупка, но правда заключалась в том, что другого плана у них просто не было. Много месяцев их бабушка не вставала с постели, не разговаривала, не смеялась, она будто спала, но это был не сон. Дядюшка Элвис говорил, что бабушка в коме после удара, и один лишь бог знает, когда она очнется, если очнется вообще. Кома – это почти как смерть, рассудила Джейн, а значит, мертвецы свою не тронут. Так или

иначе, решение было принято, и лишь этот злоеущий темный коридор верхнего этажа отделял их сейчас от спасительной цели.

– Ах, – только и сказала Джейн, когда бледная высокая тень отделилась от стены коридора и преградила им путь. Похоже, всё пропало.

– Мама? – вдруг спросил Том, недоверчиво взглядываясь во мрак.

– Что ты несешь, Том? – воскликнула Джейн. – Разве ты забыл...

Она запнулась на полуслове, потому что тоже узнала мертвую женщину, преградившую им дорогу к спасению.

– Ах, милый Том, – сказала покойная госпожа Кингсли своему сыну, – ты узнал меня.

– Иди же скорее ко мне!

Джейн крепко ухватила брата за руку:

– Стой. Ты ведь понимаешь, что это не она, не мама? Наша мама умерла, умерла, и никто в целом мире не может этого изменить!

– Но, Джейн... – пролепетал бедный Том.

– Не слушай её, дурашка, – вкрадчиво сказал мертвец, так похожий на их усопшую мать, – она никогда не любила меня так, как ты любил, мой сладкий. Она просто ревнует.

– Но ведь ты и вправду умерла, мама. Я был на твоих похоронах прошлым летом.

– Ах, Том, чего не сделает любящая мать ради своего сы-

ночка. Я вернулась к тебе, разве ты не видишь?

– Мамочка, – воскликнул Том и рванулся вперед.

– Стой! – заорала Джейн. Она изо всех сил удерживала брата, но в того словно бес вселился.

– А ну, пусти его, маленькая дрянь! – завопила мертвая госпожа Кингсли. – Он мой!

С этими словами она прыгнула на Тома. От неожиданности Джейн отпустила руку, и Том оказался в объятиях той, что когда-то была его матерью. С ужасом увидела Джейн как коварный мертвец впивает свои желтые зубы в руку Тома чуть повыше локтя.

Ярость вернула ей самообладание и придала силу. Джейн размахнулась и опустила тяжеленный том Британники на ненавистную мертвую голову.

– Получи, ведьма! – закричала Джейн.

От удара умной книги что-то хрустнуло в костяке и голова миссис Кингсли с выпученными от изумления глазами соскочила на пол и запрыгала вниз по ступенькам словно футбольный мяч. Безголовый мертвец растерянно зашарил в воздухе бесполезными руками. Том рухнул на руки Джейн, глаза его были закрыты, он тихонько стонал.

– Сейчас, Том, потерпи, – причитала Джейн всю дорогу до заветной спальни, волоча на себе брата. Силы Тома на глазах убывали. Но вот, наконец, и комната бабушки Рут.

Джейн втолкнула брата внутрь и с облегчением захлопнула за собой тяжелую резную дверь, щелкнула замком. Они

добрались – но какой ценой! Больше всего ей хотелось сейчас расплакаться и нареветься вдоволь, и чтобы кто-нибудь умный и сильный пришел, пожалел её и всё исправил. Как бы она этого хотела! Вот только умнее и сильнее её во всей округе никого не осталось. “Придумай же что-нибудь, Джейн!” – сказала она себе.

И в этот самый момент слабый, но такой родной голос окликнул её из глубины комнаты:

– Джейн, внучка!

– Бабушка Рут?

Это была она. Старушка стояла у окна, она перевела свой тревожный взгляд от огромной луны, что по-прежнему висела над садом, к внукам.

– Ты проснулась, какое счастье! – воскликнула Джейн. Подозревать бабушку в коварстве у неё просто не было сил.

– Сейчас не время, Джейн, – остановила Рут Кингсли свою внучку. Положение Тома было ужасным – бабушка поняла это с первого взгляда.

– Расскажи мне всё, только быстро.

Джейн кивнула и описала в кратком пересказе все события этой ночи, вплоть до последних.

Рут Кингсли поджала губы и сказала холодно:

– Видит бог, я никогда не понимала, что нашёл ваш отец в этой женищине!”

Проводник просунул голову в приоткрытую дверь купе:

– Энкс через час, вы просили предупредить.

Чаковцев с облегчением вынырнул из дрёмы (обе его жены, странным образом вместе, были там) и поднял воспаленные глаза; проводник, пожилой дядька, медлил у двери.

– Спасибо, – сказал Чаковцев.

– Я извиняюсь, лицо ваше уж очень мне знакомо, никак не припомню откуда.

Не подскажете?

– Понятия не имею, – буркнул Чаковцев, отворачиваясь.

Проводник не только не ушел, но ввалился в купе и без церемоний уселся напротив.

– Я вспомнил, – радостно сказал он, – в прошлом году вы со мной из Энска ехали.

У меня глаз – алмаз.

– Исключено, – вздохнул Чаковцев. – Никогда там не бывал, ни разу.

– Да ну... – огорчился проводник.

– А что, интересный город?

– Честно? Дыра дырой. При Союзе ящик там был...

– Ящик? – не понял Чаковцев.

– Ну да, почтовый, – пояснил проводник, – закрытый объект, все дела. Мы и не останавливались никогда, проезжали мимо.

– А теперь?

Проводник махнул рукой:

– А что теперь? Известное дело – разруха. Но станцию

открыли, это да. Вы, извиняюсь, по каким делам в Энск – бизнес?

“Наконец кто-то принял меня за делового”, – подумал Чаковцев.

– Вроде того, – ответил он уклончиво, пытаясь уловить связь между “разрухой” и “бизнесом”.

– Как же, понимаю, коммерческая тайна, – ухмыльнулся проводник. – Ну, удачи вам.

Может, и обратно со мной поедете, если повезет. – С этими словами он удалился, зашумел в коридоре: – Энск, Энск, подъезжаем!

Чаковцев повертел на языке это самое “если повезет”, усмехнулся и принялся собираться.

Строго говоря, собирать было нечего – всё уже уместилось в средних размеров чемодане; прежние гастрольные времена воспитали в нём здоровую походную неприхотливость, жаль лишь, концертный костюм занимал половину полезного объема.

Тут он посмотрел с сомнением на недочитанную книжку – чужая ведь – и быстро сунул в чемодан: “Эта смешная вещица напомнит ему в странствиях о доме”. Гы-гы.

Между тем поезд замедлил темп, плавно съезжая с вечного русского на какой-то безродный, просто вечный. Слегка покачиваясь в такт, Чаковцев вышел к окну в коридоре. “Раллентандо”, – не без гордости вспомнил он красивое чужое слово для такого случая.

Страна, казавшаяся ему ночью морем, смотрелась теперь морским дном:

бурые бревенчатые постройки с пустыми окнами разбитых галеонов,

мачты-столбы с провисшей оснасткой проводов, ржавые якоря, оборванные цепи.

Где-то на поверхности суэта и бурление, но не здесь; здесь покой – под толстым слоем придонного снега...

ЧАКИ УБИЙЦА

“Что за...” Он свернул набок шею, догоняя глазами отъехавшую надпись.

Нет, не показалось. Ярко-красная краска на облезлой стене вдоль путей, неровные буквы, последняя А плохо прорисована – ЧАКИ УБИЙЦА.

“Ну что ж, добро пожаловать в Энск, Геннадий Сергеевич”, – сказал Чаковцев вслух, когда сердце притормозило, а поезд и вовсе остановился, громко всхлипнув напоследок.

*“В миру меня вы не ищите,
Теперь я человек-граффити*

*Размазало меня по стенам,
Увы, я сделался рефреном*

И как-нибудь проездом в Энске

С восторгом скажете вы: “Бэнски!”

Город встретил его морозцем, запахом шашлыка и голо-сом Боба; звук шел от дальних лотков, зависал то и дело, спотыкался, будто подмерз на станционном сквозняке.

Чаковцев замедлил шаг, оглядываясь. Кто-то больно ткнулся в его спину и тут же выругался хрипло:

– Бля, раззява, да не стой ж ты на дороге!

Чаковцев обернулся и встретился взглядом с давешним мужиком из ресторана. Злое лицо того в секунду переменялось; бормоча “извините”, мужик разом ссутулился и быстро зашагал прочь, волоча пару тяжелых сумок. Чаковцев открыл от изумления рот: очевидно же, что хриплый испугался. Он не успел обдумать эту странность.

– Гена, брат!

Большой, розовощекий, сияющий, в распахнутой шубе до пят, – ни дать ни взять кустодиевский Шаляпин, – раскинув руки для объятий, Боб Стащенко собственной значительной персоной надвигался на него.

– Здорово, брат.

– Здорово.

Они обнялись. Чаковцев втянул ноздрями воздух – вокруг Боба, как обычно, вилось плотное облако парфюма.

– Дай погляжу на тебя, бродяга, – громко сказал Стащенко. Говорить тихо он и не умел никогда. – Это ж сколько лет мы не виделись, а?

– Со счета сбился...

– Ну да, ну да. Как там у тебя... “нам бы время заморозить, распилить на кирпичи...”

– Это не у меня, Боб.

– А, неважно.

Чаковцев, посмеиваясь, разглядывал старого друга:

– Ты чего с фейсом-то делаешь, юноша?

– А в спирте замачиваю, – заржал Стащенко, – и, по секрету, не только фейс. Щас познакомлю тебя кое с кем...

– Нравится тебе здесь? – Чаковцев кивнул в сторону лотов. – Вон как встречают.

– Да-а, помнят ещё, приятно, черт. Всегда любил провинцию. Ну, пойдём, что ли, а то синий ты какой-то, Гена, – замерз или с бодуна?

– Сам ты с бодуна, – огрызнулся Чаковцев, – год уже как сухой.

– Да ну? Круто. Ты извини, Гена, слышал я о твоих печалях...

– Потом перетрём, Боб, после.

Они вошли в здание станции.

– Куда теперь? – спросил Чаковцев.

– Всё на мази, – Боб помахал кому-то рукой. – Пожрать и в гостиницу.

– Группа там?

– Ага, вчера подтянулись. Молодняк, ты их не знаешь. А вот...

Из глубины зала ожидания к ним подошли двое. Сташенко сказал:

– Знакомьтесь.

Чаковцев замер. Мужчина – крепыш в кожаной куртке, курчавые волосы, боксерский нос – производил моментальное и безошибочное впечатление бойцовой собаки, опасной и умной.

– Лев, – сказал он коротко, пожимая руку Чаковцева.

– Геннадий Сергеевич, – неожиданно для себя официально представился тот, – очень приятно.

Он заметил как Лев тут же отступил на шаг, всем видом показывая: я привык быть в тени.

Оттуда, из тени, он без спешки изучал Чаковцева – в этом не было сомнения.

– Лёва – наш местный ангел-хранитель, – пояснил Сташенко. – А это Блоха, моя бэк-вокалистка.

– Ты чурбан, – сказал Чаковцев Бобу, – даме представляют первой.

Очевидно юная, несмотря на вызывающий мэйкап, девушка была одета броско, но с несомненным, на любителя, вкусом. Она едва взглянула на него и тут же отвернулась, захлопнула длиннющие ресницы.

– Геннадий Сергеевич, – представился Чаковцев.

Боб захохотал:

– А ты и впрямь изменился, брат. Надо же, “Геннадий Сергеевич”...

– Блоха, – небрежно сказала девушка, едва раздвинув губы, протянула бледную руку. Чаковцев заметил тонкую вязь татуировки, теряющуюся под рукавом.

– Это сам великий Чаковцев, Блоха, – не унимался Боб, – по факту живой классик.

– Я знаю, кто он, – сказала Блоха и одарила Чаковцева улыбкой, такой же тонкой и ускользающей, как и тату.

О, эта последняя поросль лолит, они ранили его воображение особенно больно.

Чаковцев представил себе как и куда именно ведёт орнамент по руке – для первого знакомства, пожалуй, слишком отчетливо. Он кивнул Льву и тот моментально подхватил его чемодан – движением быстрым, но не услужливым, и зашагал к выходу.

Блоха протанцевала вслед на опасно свингующих каблучках. Боб придержал приятеля, выждал немного и спросил шепотом:

– Ну как?

Чаковцев ехидно посмотрел на его довольную рожу:

– Привлекут тебя, вот что, за совращение малолетних.

Сташенко расплылся:

– Я, Гена, паспорт посмотрел, я ж вроде как работодатель.

И да, зависть – плохое чувство.

– Иди к черту, Боб. И почему Блоха? Прыгучая?

– Не-а.

Сташенко посмотрел по сторонам – не видит ли кто? – и

отвернул ворот белоснежной сорочки.

– Еще вопросы есть?

– Нету, – вздохнул Чаковцев, разглядывая синяк на шее.

– А какой у неё голос, – закатил глаза Боб, – какой голос...

Чаковцев пытался уснуть. Он долго ворочался на тонком гостиничном матрасе, и кровать под ним отзывалась протяжным скрипом на каждое телодвижение. Единственная гостиница Энска, безусловно, не слишком изменилась с советских времен, но беспокоило Чаковцева и не давало уснуть иное: за тонкой стенкой был номер Сташенко, и оттуда тоже доносился скрип. Ритмичный. Громкий. Давно.

Он накрыл голову подушкой.

*“Не спит и уснуть не даёт
Засосной любовью пылкой
Соседка моя, что живёт
Между Бобиком и подстилкой”*

К завтраку Чаковцев спустился рано, с ожидаемо большой головой. К его удивлению, Блоха уже сидела за столом – с видом на подмёрзшее узорчатое окошко – и тихонько помещивала чай. Проскользнуть мимо не вышло – девушка заметила его и поманила приглашающим жестом. Чаковцев, с тостами на подносе и газетой под мышкой, уселся напротив.

– Привет, – сказал он, чувствуя с досадой смущение в голосе.

– Привет.

Она подняла на него невинные утренние глаза и Чаковцев окончательно стушевался: без косметики Блоха смотрелась обычной милой девчонкой. Они вежливо обсудили погоду за окном и качество гостиницы, потом у Чаковцева иссякли темы для светской беседы и он забеспокоился о деле:

– Зал уже видели?

– Вчера вечером. Мельком.

– И как?

– Зал как зал, – равнодушно ответила Блоха, – видали и похуже. Бобу даже понравился.

– А тебе?

– Звук там вроде неплохой...

Он сходил за кофе, сделал несколько горьких глотков, с облегчением ощущая, как боль в голове тает и испаряется, посмотрел на девушку подобревшими глазами.

– Кстати, о звуке. Боб тебя хвалит, голос... и вообще...

Блоха засмеялась:

– Ну, он пристрастен.

– Это Боб, – улыбнулся Чаковцев, – он такой. И давно ты с ним? Хотя, о, молодость, у тебя ведь всё – недавно.

Блоха хихикнула:

– В группе – год... Или ты про другое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.